

ября 1997 г.

Культура

Рудольф ХАЧАТРЯН:

“Делать дальше реалистические портреты — значило бы подражать самому себе”

Портретная живопись веками меняла свой характер, перемещая точку зрения от классической гармонии лица и души к индивидуальному выражению, скорее лишенному этой гармонии и призванному острее передать мироощущения художника. Такой “переменчивости” характера подверглось и творчество Рудольфа Хачатряна, чьи “многомерные объекты”, представленные ныне в одном из залов Картинной галереи Армении, явились совершенно новой художественной ипостасью. Лишь вникнув в мир этих картин, сориентировавшись в его координатах, можно понять, о чем они.

— Художник не может всю жизнь быть в поиске своего стиля. Стил — как характер — все более уточняется, совершенствуется... Ваши “многомерные объекты” — это “проба пера” или уже нечто законченное в своем становлении?

— Я уже пробовал делать нечто подобное в 60-е, экспериментируя “открытой формой” в пространстве, как это делал мой учитель Е.Кочар. Его “живопись в пространстве” ошеломила меня своими новыми, непредсказуемыми возможностями. Как-то маэстро, демонстрируя свои “объекты”, обратился ко мне: “Ты еще придешь к этому, но своим путем”. Я шел к ним 30 лет...

— Образ матери с младенцем выстраивается в ваших картинах так, что кажется, части тела обоих перетекают друг в друга, сублимируясь в двуединый образ...

— Мать и ребенок как одно продолжение другого — это и есть моя формула человека, моя философия. Вся жизнь мы носим свое детство в себе. Ни время, ни обстоятельства не в состоянии убить в нас ребенка. И не случайно природа устроила так, что с возрастом

человек даже внешне начинает походить на ребенка. Здесь мне бы хотелось провести аналогию и с армянской архитектурой. Вы замечали, к примеру, как композицион-

но сконструирован храм Рипсиме? Само по себе это строение цельное и завершенное. Но сработавшая позже маленькая, несколько несоответствующая колокольня не то чтобы испортила общее впечатление, а, наоборот, придала сооружению в целом особое состояние законченности. То же происходит и с работами, когда порой пластические контрасты вносят большую целостность, уравновешивая весь их напряженно-поэтический строй.

— Надо полагать, этот контраст оправдан и там, где появляются образы, сочетающие в себе мужские и женские начала.

— Андрогинный образ носит в себе мифологическую подоснову. Если помните, согласно мифу, созданному воображением Платона, наши предки имели по 2 лица, 4 руки и 4 ноги — они были андрогинами, то есть гермафродитами. Зевс, желая отомстить людям за их нелюбовность и высокомерие, разрубает их на две половины, и с тех пор одна половина обрекается на поиски своей второй половины... В своих работах я соединил эти половины и создал свою, новую мифологию, обратив ее к современности. Собственно, искусство и есть мифология. Сила его в том, чтобы сохранить отблеск мифологической слитности фантазии и реальности.

— В экспозиции можно увидеть и несколько медленно вра-

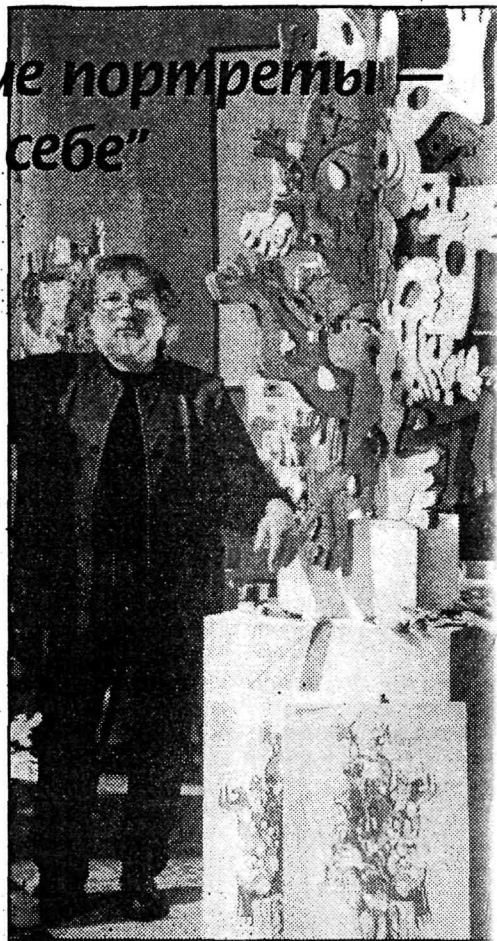
щающихся скульптур, которые с маниакальной навязчивостью повторяют образы картин...

— Это зеркальные двойники, повторяющие друг друга контурами и перевернутыми плоскостями фигур, образуя тем самым четвертое измерение. Неожиданно для себя я вдруг обнаружил, что зеркальные соединения этих фигур обозначают в своей основе крест. А ведь фундамент всей нашей армянской архитектуры крестообразен. Так появились вращающиеся свастикообразные фигуры, напоминающие знак вечности на древнеармянских барельефах.

— Есть что-то, что вам, маэстро, не нравится в своем творчестве?

— Не нравятся портреты, которые я делал не от души, а на заказ. Обычно, если мне какая-то из работ не нравится, я ее уничтожаю. Так, в Лондоне, где я прожил около 5 лет, создавая свои “многомерные объекты”, из 1000 написанных 200 — извел. Позже, просматривая слайды и фотографии уже не существующих работ, я все же сожалел о содеянном. Но сиюминутная критика оказывается всегда для меня решающей.

— В день открытия вашей

выставки мне показалось, что были и те, кто все же пришел надежде увидеть ваше портретно-реалистичное творчество. Были и разочарованные... Наверное, все же прежние работы были доступнее и милее широкой публике...

— Что ж, ничего не поделаешь. Все, что я мог сказать в натурном изображении, я уже сказал. Продолжать делать реалистические портреты — значило бы подражать самому себе. Сегодня моя душа уже в другом измерении. У меня новые задумки, и я с нетерпением жду, когда мои идеи реализуются.

Карина АМИРХАНИЯ

“Я люблю двустороннее движение и потому ненавижу Нью-Йорк”

Исключительно яркой страницей второго международного фестиваля камерной музыки “Осенняя серенада” стало выступление после многолетнего отсутствия на ереванской концертной эстраде виолончелиста Арама Талаляна в ансамбле с пианисткой Соной Игитян. Меня смычки, современные и старинные, в ансамбле с фортепиано, клавесином и вовсе без сопровождения Талалян срежиссировал целый музыкальный спектакль о прошлом. Высокое сознание современности, которое не слишком церемонится с “давно минувших дней” и слушает Баха в рэповском или рабисом озвучивании не может не позавидовать Араму — он непривычно деликатен с искусством прошлых эпох, где чувствует себя как дома.

чала это была просто отдушина в суете современного дня, а потом я мотря ни на что, нельзя изменять. Да, меня — это ансамблевое испол-